

Анна Бах

"Маленькое детство"

мемуары

18+

Анна Борисовна Бах

Маленькое детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30483614

SelfPub; 2018

Аннотация

В каком возрасте можно писать мемуары? Ну, конечно, в старости! Когда уже жизнь позади. А как определить, что жизнь позади уже? Когда наступает этот момент истины? Моя дочка часто просит рассказать про мое "маленькое детство" и про то, «как все было». Я решила написать о своей семье. Что-то про собственное детство, про бабушек и дедушек, большинства из которых уже нет в живых. Но теперь о них будут читать, а, значит, память сохранится. Надеюсь, вы тоже получите удовольствие от моих записок, улыбнетесь, засмеетесь и будете ждать продолжения.

Вступительное слово

В каком возрасте можно писать мемуары? Ну, конечно в старости! Когда уже жизнь позади. А как определить, что жизнь позади уже? Когда наступает этот момент истины? Моя дочка часто просит рассказать про то, «как все было». Я решила написать о своей семье. Что-то про собственное детство, про бабушек и дедушек, большинства из которых уже нет в живых. Но теперь о них будут читать, а, значит, память сохраниться. Надеюсь, вы тоже получите удовольствие от моих записок, улыбнетесь, засмеетесь и будете ждать продолжения.

Глава 1

Родственные связи

Вы когда-нибудь задумывались о том, как звучат голоса ваших предков? О чем они говорили и думали? И на каком языке? Это мог быть мелодичный идиш, певучий украинский диалект или привычный для уха русский язык. Иногда, слушая повторяющиеся рассказы дедушек и бабушек, начинаешь чувствовать себя участником тех давних событий, и вот я уже сама пересказываю историю со слов прадеда, которого не застала, но, благодаря рассказам домашних, мне чудится, что я лично слышала все, что он говорил. Вот он испуганно мечется по саду и кричит «Борух! Борух!» Бабушка, тогда еще просто мама, ушла за хлебом, а маленький папа

спрятался наверху. А вот он, выходя из синагоги, закуривает с довольным видом и, указывая на моего дедушку, говорит: «Мизинкер приехал».

А прадед моего мужа играл в театре Михоэлса. Делал он это от души, играл те же роли, что и сам Соломон Михайлович, пел, и многие песни в его исполнении были записаны на пластинки. Несколько лет назад, когда мы паковали бабушку, чтобы перевезти ее на квартиру родителей, были вскрыты и разорены все шкафы, и разобрано, наконец, «все, что нажито непосильным трудом»... «Бабушка, это старое! Это выкинуть!» «Вам только выбрасывать то, что другие наживали! Успеете...» Что-то мы все-таки выкинули, а что-то она отстояла, и не зря. На первый взгляд ненужные клеенки, марли и полотенчики вполне себе пригодились после переезда на новую квартиру (звучат литавры, глаза бабушки светятся торжеством религиозного фанатика, спасающего святыни горящего храма).

Так вот, на антресоли, забитой всем на свете, в том числе и Талмудом, лежащим бок о бок с Кораном, была найдена целая коробка покрытых пылью старых пластинок. Они сохранились, имена исполнителей уцелели, и, вот, спустя 70 лет снова зазвучал голос Мишиного прадеда, исполняющего грустные напевы на идиш. Когда Элина вырастет, она сможет услышать, как поет ее прапрадедушка. Это здорово.

Вообще, чем старше становишься, тем скорее хочется изучать историю. Приходит понимание, что расспрашивать тех,

кто видел, нужно сейчас, а позже, может, и не у кого будет спросить... В детстве живешь сиюминутным моментом, кажется, что все, кто тебя окружают, будут делать это вечно: все эти тети, дяди, улыбающиеся лица, заботливые руки... Они исчезают, и мы не замечаем, а потом все подергивается пеленой забвения. И только позже начинаешь вглядываться в семейные снимки, пытаешься проложить тропинку родственных связей, ищешь сходство между лицами, разъединенных десятилетиями...

– А глаза-то, глаза! Как у дяди Исаака!

– Да, он же не его родственник!

– Странно. С такими глазами вполне мог бы им быть...

Я помню, что в детстве наша семья была большая-пребольшая. Я даже не успевала запоминать все имена и родственные связи, но мне казалось, что это абсолютно нормально, когда на любой праздник в квартире набивается сразу человек 20, не меньше. А потом в конце 80-х все разъехались-разлетелись. Вспоминаются опустошенные квартиры, и снова большое количество человек за столом, сидящих на остатках мебели, и предложения: «Ну, выбери себе что-то на память». Это называлось «проводы». Что это слово означает, было не совсем ясно. Родители объясняли, что те или иные родственники уезжают далеко. Далеко? Ну, ладно. А вот, насколько далеко, стало понятно, когда уехали бабушка

с дедушкой. Ну, и лет мне уже тогда было все-таки 18. География представлялась не так абстрактно, как 10 лет назад.

Все же какие-то родственники совсем забылись, хотя отдельные картинки оставались в памяти. Каждый раз, проезжая по Дмитровскому шоссе по пути на дачу, я взмахивала рукой и говорила: «А здесь жила тетя Чарна! Мы к ней раньше постоянно ходили в гости». Мне казалось, тетя Чарна жила в огромной квартире, столько народу там собиралось и столько еды готовилось. «Да, нет, – объясняла мама, – не в огромной, а в обычной двухкомнатной. Просто в то время почему-то все умещались в любом пространстве, и для каждого находилось посадочное место. А готовила тетя Чарна сама. При этом все было кошерно. И курицу она покупала живую и резала самолично. И как, и когда она успевала все это сотворить непонятно до сих пор». Я помню, что она была маленькая, но очень энергичная. Лицо помню плохо, а вот руки отчетливо. Каждый раз, когда мы к ней заходили, руки обнимали, и сердце сразу замирало в предвкушении вкусного кусочка, который сразу вручался, не дожидаясь официального приглашения за стол. Потом мы перестали к ней ходить. Прозвучали слова «Израиль» и «отъезд». По истечению лет все это вспоминалось еще реже. Да, и сама семья стала намного меньше. Родственники разлетелись, растворились во времени, многие ушли навсегда, в том числе и дед Ефим, который поддерживал со всеми отношения и записывал в свой блокнот хорошим подчерком, с навсегда

въевшимся уклоном справа налево, адреса и телефоны всей Фамилии.

А в 2008 году я познакомилась с Мишей. В 2011 году мы поженились, и казалось, что это касается только нас обоих, но на самом деле мы были только звеньями длинной цепочки глобальных событий: объединение двух семей и знакомство многочисленных людей друг с другом. И в его семье многие уехали в Израиль и в США и, как выяснилось, поселились неподалеку от моих родственников. А многие остались в Москве, каждый со своей миссией. Миссия Наташи, жены Мишиного троюродного брата, состояла, видимо, в том, чтобы пригласить меня на девичник в честь еврейского праздника Пурим. Это было еще в феврале. Там она познакомила меня со своей детской подружкой Юлей. Ну, поболтали, как водится, подружились в Фейсбуке, в общем, начали общаться. В конце концов, договорились встретиться и в реальном мире, не дожидаясь очередного приглашения на следующий праздник. Лето все-таки. Мы отправились в Нескучный сад. Гуляли долго, говорили «за жизнь», обсудили немного свои семьи. Без лишних подробностей. «Родственники-шмодственники...», – как говорит моя бабушка. Разошлись поздно, расцеловались. «Я, как на свидание сходила!», – посмеялась Юля. Я тоже. Не успела я дома рассказать мужу обо всех своих впечатлениях, как в 0.30 ночи снова зазвонил телефон. «Ой! Что-то случилось!» Конечно, случилось. «Тут моя мама интересуется, – зазвучал в трубке го-

лос Юлечки, – нет ли у тебя случайно деда Ефима?» Тааак? «А, вот, – продолжала Юля, – у него была двоюродная сестра Чарна?» Была! «Ну, хорошо, – продолжила Юля, – значит, это твоя мама была свидетельницей на свадьбе моей мамы и делала ей макияж! Вот, тут на фотографии у нее на коленях маленькая темненькая девочка лет пяти. Не знаешь, кто это?» Что же получается, не все уехали в Израиль! Просто надо было внимательнее изучать дедушкин блокнотик с телефонами и адресами! До двух ночи я не давала мужу спать, обсуждая с ним ситуацию. Оказывается, вот уже полгода я дружу с девочкой, которая приходится мне сестрой! Хотя, если лучше проследить родственную связь: так, прабабушка – двоюродная сестра дедушки, папа-мама... Это, значит, ее мама приходится мне сестрой, а она моя племянница! Как же «причудливо тасуется колода!» «Слушай, дай поспать, – в конце концов, недовольно протянул муж, – это хорошо, что у тебя прибавилось родственников. Но давай все-таки не к ночи... Дай мне шанс их полюбить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.